

Аналитический Центр «Разумные Решения»
Analytical Center «Prudent Solutions»

**Аналитические обзоры:
2012 год. Общая тематика Центральной Азии**

©Аналитический Центр «Prudent Solutions» 2012

Содержание:

- 1. Водный аспект во взаимоотношениях между Кыргызстаном и Казахстаном.**
- 2. Геополитическое измерение водной проблемы Центральной Азии.**
- 3. Казахстан – Кыргызстан: новый стратегический союз?**
- 4. США используют новые подходы в Центральной Азии.**
- 5. Кыргызстан и Таджикистан: совместный демарш в отношении России.**

Водный аспект во взаимоотношениях между Кыргызстаном и Казахстаном

Межгосударственное взаимодействие между Кыргызстаном и Казахстаном в сфере освоения водных ресурсов берет свое начало с возникновения независимых государств в Центральной Азии. С появлением ряда нерешенных задач и спорных вопросов регионального масштаба, а также изменившейся политико-экономической ситуации в Центральной Азии, возникла острая необходимость в разработке новых подходов, способных учитывать интересы всех сторон. В первую очередь, это касается распределения водных ресурсов.

В связи с этим, руководства Кыргызстана и Казахстана, равно как и остальных трех стран региона в феврале 1992 г. было подписано соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников». Это соглашение стало основополагающим для дальнейшего водно-энергетического сотрудничества и заложило основные принципы совместного управления водными ресурсами межгосударственных водных источников. Резюмируя вкратце основные положения подписанного соглашения, можно выделить несколько моментов:

- Стороны признали равноправие и общую ответственность за использование водных ресурсов;
- Необходимость всеобщей координации в вопросах использования и охраны водных ресурсов;
- Недопущение действий на своих территориях, способных привести к каким-либо негативным последствиям в соседних странах. В этой связи, сторонами было оговорено налаживание широкого информационного обмена, способствующему улучшению климата межгосударственного сотрудничества в области водных ресурсов;
- В заключении, пять стран ЦА объявили о необходимости создания региональной водной структуры, способной взять на себя ответственность за обеспечение полноценной координации в сфере водных ресурсов, а также контроль за соблюдением принципов рационального водопользования.

Однако, несмотря на кажущиеся позитивные изменения в водной сфере, де-факто прописанные принципы положительно отразились лишь на создании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК). Специфика национальных приоритетов, как выяснилось позже, не вполне отвечала Соглашению 1992 г., что в последствие привело к водному дисбалансу в ЦА. К тому же, несмотря на фактическое признание советской модели взаимодействия, в результате опущения в соглашении механизма по компенсации за воду летом топливно-энергетическими ресурсами в зимний период, главные ГЭС в верховьях рек были переведены на энергетический режим работы, а соглашение так и не было ратифицировано Парламентом Кыргызстана. Неурегулированные вопросы взаимодействия стали причиной того, что обильные попуски воды из Токтогульского водохранилища привели к затоплению южных областей Казахстана. Вследствие чего, и без того лимитированные возможности Шардарьинского водохранилища, способного аккумулировать только 5,7 км³ воды, привели к затоплению Арнасайской низменности и, соответственно, к ухудшению социально-экономической, а также экологической обстановки в Казахстане.

Между тем, недостатки соглашения 1992 г., а также ежегодных центральноазиатских деклараций запланировано было исправить подписанием межправительственного соглашения 1998 г. «Об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарьи». Необходимо отметить, что главным образом, соглашение было ориентировано на удовлетворение стран верхнего течения в своем желании получать необходимое количество углеводородного топлива, а также экспортировать излишки вырабатываемой электроэнергии. Одновременно с этим, Казахстан с Узбекистаном проработали несколько положений в защиту своих интересов, предусматривающих:

- Невозможность выдвижения претензий Кыргызстаном относительно материальной компенсации за совместное использование со странами нижнего течения гидроузлов и сооружений, находящихся в верховьях;
- Совместное рассмотрение вопросов строительства новых гидроэнергетических объектов и водохранилищ.

Несмотря на, казалось бы, взаимовыгодные принципы и механизмы, прописанные в Соглашении, реалии центральноазиатской политики,

как известно, во многом не соответствуют декларируемым положениям. Безусловно, период многоводья (середина - конец 90-х) выступил в некоторой степени катализатором, в силу того, что необходимые объемы воды все же поступали для удовлетворения как гидроэнергетических, так и ирригационных нужд на разных уровнях течения. Однако в межвегетационный период неспособность совладать с нехарактерно большими водными объемами привела к затоплениям Арнасайского понижения и как следствие пересмотру механизмов водно-энергетического сотрудничества в Центральной Азии.

Межгосударственное сотрудничество по управлению водными ресурсами трансграничных рек Центральной Азии в большинстве случаев концентрировалось на крупных реках региона. К тому же, внимание экспертов и ученых-водников по внедрению международного опыта по Интегрированному управлению водными ресурсами сводились к разрешению общерегиональных водных проблем. Между тем, после осознания факта невозможности результативного сотрудничества в многостороннем формате в конце 90-х, страны стали ориентироваться на двусторонний принцип взаимодействия. Казахстан и Кыргызстан в данном случае являют собой одним из немногих положительных исключений в совместном использовании вод трансграничных рек.

В 2000 г. Казахстан и Кыргызстан подписали соглашение «Об использовании водохозяйственных сооружений межгосударственного пользования на реках Чу и Талас», подразумевающее внедрение принципа платности, а вернее совместного финансирования инфраструктуры трансграничных вод исходя из потребляемого количества воды в бассейне рек Чу-Талас. Согласно признанным договоренностям, фактическое ежегодное финансирование Казахстаном в период с 1998 по 2003 г. было увеличено с 7 до 190 тыс. долл. США. Необходимо отметить, что подписанию соглашения предшествовало Положение «О деление стока в бассейне р. Талас» 1983 г., действие которого было в силе несмотря на развал СССР, а также ежегодные межгосударственные протоколы, регулирующие согласование графика подачи воды, компенсацию Казахстаном эксплуатационных затрат гидрообъектов. Во многом поведение казахстанских властей, по мнению международных экспертов, было следствием нехватки воды в поливной сезон из-за некорректного режима работы Кировского водохранилища. Т.е. если в советский период, пик сброса воды начинался в июне, то начиная с 1995 по 1999

гг. график сдвигался на месяц позже, т.е. на июль. Тем не менее, утверждать, что именно это послужило предпосылкой для водного взаимодействия не представляется окончательно верным.

Между тем, равноправный характер взаимодействия, обусловленный постоянной ротацией руководства межгосударственной Комиссии и Секретариата (созданные в 2006 г.), обеспечивает учет интересов обеих сторон. И принимая во внимание, современное состояние водной проблематики в регионе с постановкой своих интересов с доминирующей позиции и попытками навязывания своих интересов другим странам, такой подход кажется единственно приемлемым. Сам же прецедент, созданный Кыргызстаном и Казахстаном в регионе касательно взаимных расходов за эксплуатацию гидросооружений, внес большие корректировки в водно-энергетические отношения. Сама концепция нести совместные расходы за эксплуатацию гидросооружений Кыргызстана была не нова и была одним из главных принципов водного сотрудничества еще в советские времена. Плановая доработка Кыргызстаном идеи в период независимости окончательно приобрела правовой статус с принятием Закона «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики» в 2001 г. Подобный характер сотрудничества с переносом на крупные реки региона находил поддержку Казахстана в вопросах выплаты компенсации за использование плотин и водохранилищ в Кыргызстане. Однако такой вариант совершенно не устраивает Узбекистан.

Кыргызско-казахское сотрудничество на современном этапе на различных уровнях является наиболее показательным примером в регионе. И из всего разнообразия водных отношений в Центральной Азии, модель отношений Бишкека и Астаны можно считать наиболее перспективной для использования в других бассейнах региона. К слову, основываясь на практике Чу-Таласского сотрудничества, был инициирован новый проект между Кыргызстаном и Таджикистаном на реках Исфара и Ходжабикирган. Более того, несмотря на некую демонстративность двустороннего водного проекта, где по большому счету прослеживается едва уловимая нота политического престижа, более значимым фактором выступает само осознание и практика, устоявшиеся за время реализации проекта. Учитывая тот факт, что на сегодняшний день водные отношения приобретают ярко выраженный блоковый характер, перед внешней политикой Кыргызстана встают дополнительные задачи. Таджикистан, несмотря на схожесть позиций и

взглядов, все же выступает как страна, формирующая сток Амударьи, что в определенной степени дифференцирует подходы к управлению водными ресурсами, если рассматривать каждый бассейн рек в отдельности. К тому же, укрепившееся мнение в сознании международного сообщества, что разрешение водных проблем в Центральной Азии не предполагает отрыва бассейна Сырдарьи от бассейна Амударьи как минимум не до конца понятно. В этой связи, с учетом высокой принципиальности позиции Узбекистана в водном вопросе, Кыргызстан, как страна, формирующая сток Сырдарьи, а также Казахстан как страна нижнего ее течения, т.е. конечный потребитель водных ресурсов реки, представляют собой хорошую комбинацию для одной из составляющей региональной водной проблемы. К тому же, геополитические акценты, расставленные руководствами Кыргызстана и Казахстана, во многом имеют общую ориентацию на российский вектор, что способствует возможности двустороннего диалога по Сырдарье. Подобный шаг вполне отвечает как внешнеполитическим интересам Казахстана, негласно соперничающим с Узбекистаном за лидерство в регионе, так и национальным интересам Кыргызстана. Однако, перспектива кыргызско-казахского взаимодействия по Сырдарье, как показывает анализ событий в водной сфере, по всей видимости, будет зависеть от степени открытости казахстанскому капиталу для долевого участия в строительстве Верхненаарынского каскада и Камбар-Атинской ГЭС в Кыргызстане. Разрешение этого вопроса, безусловно повлияет на позиции Казахстана в водно-энергетическое взаимодействие с Бишкеком, но ввиду высокой непредсказуемости центральноазиатских властей, прогнозировать на долгосрочную перспективу не представляется возможным.

Аналитический отдел «Prudent Solutions»

Геополитическое измерение водной проблемы Центральной Азии

Водная проблема в Центральной Азии, которая на протяжении более 20 лет являет собой объект пристального внимания как со стороны региональных стран, так и со стороны международного сообщества и различных институтов, по всей видимости, выходит на новый качественный этап своего развития. Безусловно, на современном этапе приходится осознавать, что сентябрьский визит президента Узбекистана И. Каримова в Астану и его заявление относительно возможного сценария вокруг водного вопроса во многом стали предпосылкой для изменения существующего состояния в этой сфере. Аналитический центр «Prudent Solutions» продолжает следить за событиями и представляет собственный взгляд на их развитие.

Мировые державы в лице США, России, Китая, ЕС, а также Ирана и Турции, национальные интересы которых в той или иной степени распространяются на Центральную Азию, не могут оставить без внимания проблему водных ресурсов ЦА. Не вдаваясь в риторику и предысторию водной проблемы, отрицать возможность превращения воды в мощный ресурс давления представляется бессмысленным занятием. Более того, на фоне завершения неудачной в каких-то смыслах (со стороны закрепления «Белого Дома» в регионе, развития инфраструктуры по экспорту наркотиков, а также вычленения уязвимых точек в каждой отдельно взятой стране ЦА – кампания достигает своих целей) Афганской кампании силами США и НАТО водная проблема может рассматриваться как новый виток геополитических игр за регион.

Между тем, как показывают события наиболее заинтересованные стороны в водных ресурсах региона являются: США, Китай, Россия и Иран. Рассматривая водный вопрос через призму взаимоотношений этих четырех стран, а также их внешнеполитической линии касательно Центральной Азии, степени их присутствия в регионе, представляется целесообразным рассмотреть позиции каждой из них в гидроэнергетической сфере.

США. Присутствие Вашингтона в регионе на сегодняшний день занимает практически все виды жизнедеятельности и, по сути, является повсеместным и наиболее масштабным из всего ряда мировых акторов. Широкая сеть НПО, развитая за годы независимости стран ЦА, наряду с международными организациями зачастую лояльными к американскому правительству, размещенные военные авиабазы в целом укрепляют позиции Белого Дома. 2014 г., объявленный Администрацией президента США как год вывода военных сил из Афганистана все же дает повод для уверенности в том,

что присутствие США не уменьшится ни на йоту. В этой связи, сейчас активно прорабатываются варианты размещения дополнительных военных баз в ЦА, как к примеру Центр оперативного антитеррористического реагирования в Таджикистане, а также базы менее военного значения в Казахстане и Узбекистане. Во многом, по оценкам экспертов эти места дислокации будут предназначены для складирования использованного оружейного арсенала. А после вывода Международных сил содействия безопасности, США планируют продолжать Афганистану в вопросе обучения национальных силовых структур страны для поддержания «стабильности и демократии» после их ухода. Реалии геополитических баталий в ЦА также дают повод утверждать, что США рассматриваются на сегодняшний день как главный соперник России и Ирана. Китаю в данном случае отводится несколько обособленная роль, лишенная геополитического накала. Противостояние этих стран на сегодняшний день подразумевает активное участие последних в попытках развития гидроэнергетической отрасли в Кыргызстане и Таджикистане, США – более отдаленное, но сопровождаемое отчетливыми намеками о переориентации политики Вашингтона в отношении водных ресурсов. Исходя из долгосрочных целей Белого Дома, преследуемых в Центральной Азии, становится понятным, что ранее незатронутые приоритетным вниманием водные отношения между странами региона будут занимать более централизованное место во внешнеполитической деятельности США. Отталкиваясь от этой позиции, водные споры между соседями могут использоваться каждой из этих четырех стран как способ отстаивания своих интересов. Причем страны ЦА в данном споре будут играть роль ведомых (Узбекистан – США; Казахстан, Кыргызстан – Россия и Китай; Таджикистан – Иран).

США имеют наиболее сильного союзника в регионе. Узбекистан, будучи страной нижнего течения и, трепетно защищающий свои сельскохозяйственные потребности в воде, на сегодняшний день является единственным проводником США, действующим без особого учета роли и влияния России в ЦА. Недавний выпад Каримова в сторону Кыргызстана и Таджикистана, а именно их энергетических проектов, был по большому счету сигналом не только для стран верхнего течения, но и для других сторон.

В первую очередь России. За исключением того посыла, что Ташкент глядит в сторону США и придерживается американского вектора в своей внешней политике, Узбекистан наглядно показывает свои симпатии Белому Дому. Собственно геополитические интересы России в Кыргызстане, как и в 2009 г. становятся под прямую угрозу. США будучи стороной слабо заинтересованной в установлении стабильности в регионе, что в свою очередь позволит им придумать новый предлог

для «насаждения демократии», пытаются выдавить Москву из водноэнергетического сектора. По нашему мнению, именно этот фактор заставил Кремль идти на столь быстрое подписание договоров и контрактов на строительство Верхне Нарынского каскада ГЭС и Камбараты-1, которые были подписаны в течение визита В. Путина в Кыргызстан. Причем в этой спешке Москва не стала добиваться увеличения доли России до 75%, а согласилась разделить поровну контроль над планируемыми объектами.

В случае начала строительства крупных ГЭС в регионе и невозможности каким-либо образом повлиять на реализацию проектов, у США остается также возможность, которая была описана в докладе Х. Клинтон как «опасение, что крупные гидроэнергетические узлы могут стать объектом для террористических атак». В данном конкретном случае, комментарии излишни. Более того, такое поведение Москвы позволяет предположить, что сегодня Россия не в состоянии предложить США свою игру. Принимая во внимание тот, факт, что Всемирный Банк является решающей стороной по строительству Рогунской ГЭС в Таджикистане и рассматривается в качестве американской вотчины влияния, внимание инвесторов будет во многом зависеть от их экспертной оценки. Насколько тонко и напористо Россия готова защищать свои интересы в Кыргызстане покажет время.

Между тем, внешняя политика Узбекистана прямо противоречит всем национальным интересам Таджикистана и, преследуя свои цели, Ташкент пытается всяческим образом повлиять на соседнюю страну. Демонтаж железнодорожной ветки, соединяющий территории двух стран, был прямым знаком США, что Узбекистан не желает видеть Таджикистан как партнера по Северному маршруту поставок. Отсюда следует, что если американский Центр транзитных перевозок, располагающийся в Манасе, прекратит свое существование (в результате влияния РФ, после вступления Кыргызстана в ТС и по др. причинам), то Узбекистан может стать единственным маршрутом, на территории которого осядет все вооружение НАТО и Международных сил содействия безопасности. При этом раскладе, и без того самая многочисленная и вооруженная армия Центральной Азии имеет претензии стать реальной силой. И в этом случае, водная карта Кыргызстана и Таджикистана не будет иметь такого воздействия, какое могло бы оказать.

Во-вторых, США вкупе с Узбекистаном пытаются ограничить возрастающее влияние Ирана в ЦА, а также Таджикистане в частности. Ни для кого не секрет, что Узбекистан является большим противником Ирана, страной которая единственная в регионе поддержала

американское экономическое эмбарго, а с 1992 г. осуществляет подрывную деятельность, которая зачастую носит демонстративный характер. Лобби проамериканского характера в Узбекистане, которое представлено по большому счету обширной еврейской диаспорой, также способствует политике Вашингтона и Тель-Авива в том числе, незаинтересованных в усилении исламского влияния. Между тем, у иранского руководства всегда был козырь в руках, который в принципе мог стать послаблением позиции Узбекистана и выражался в не прямой поддержке исламистских группировок. Что в любой момент могло бы послужить противовесом и предметом торга с узбекскими властями. К тому же, Иран (как и Россия с Китаем) высоко заинтересован в формировании общего энергетического рынка в регионе, с помощью которого Тегеран мог бы покрывать свой недостаток дешевым центральноазиатским электричеством. В этих же целях Тегеран также выступает заинтересованной стороной в реализации проекта Сангтудинской ГЭС-2 (Таджикистан) мощностью 220 МВт. Другим свидетельством того, что Иран делает большой акцент на водных ресурсах региона и тем самым, пытается «застолбить» за собой право вмешиваться в споры по воде, является его готовность покупать около 1 млрд. питьевой воды у Таджикистана. Однако раздираемый на международной арене западным сообществом, Иран не может сконцентрировать свои усилия на менее приоритетных для него задачах. Безусловно, Таджикистан в силу своей острой необходимости в иностранных инвестициях в экономику делает все шаги по диверсификации подходов и привлекает все заинтересованные стороны. Что с одной стороны могло бы расцениваться как возможность послабления позиций Ирана в долгосрочной перспективе иностранными, в том числе и западными конкурентами. Однако необходимо учитывать, что кроме Ирана и Китая (заинтересованных в развитии гидроэнергетики для удовлетворения своих нужд) Таджикистану ни одна из стран не сможет предложить реальных проектов на справедливой и взаимно выгодной основе. Следовательно, Иран со счетов списывать никак нельзя и, трудности Тегерана на международной арене представляются временной проблемой, после относительного разрешения которой Тегеран укрепит свое присутствие в Таджикистане.

Между тем, рассматривая ситуацию с учетом роли и заинтересованности Китая в водно-энергетическом потенциале региона, то обрисованная выше картина требует внесения некоторых корректировок. Неприметность и слабая активность Пекина в этом направлении, которая не может сравниться к примеру с агрессивным поведением китайского руководства против Токио по вопросу принадлежности островов Сенкаку (Диаою) в Восточно-Китайском море, не привлекает много внимания у отечественных и международных экспертов. По большому счету, противоречия между

центральноазиатскими странами и ревнивое отношение России к своим южным соседям не предоставляют шанса активного участия Пекина в водных проектах. И несмотря на засушливость обширных территорий проблемы которых Пекин намерен решить с помощью водного потенциала Тибета, реальное участие в гидроэнергетических инициативах в Центральной Азии пока лишь ограничивается Кыргызстаном. Энергодефицит западных провинций Китая послужили стимулом для руководства Поднебесной в участии строительства подстанции Датка (500/200 кВ) и линии Датка-Кемин (500 кВ). Причем сравнительно небольшое капиталовложение по современным расценкам в экономику Кыргызстана, а также предоставляемый шанс стать в последствии экспортером электроэнергии дает большие политические дивиденды Пекину. Безусловно, что такой подход оправдан со всех точек зрения, и в последствии именно СУАР призван стать потребителем экспортируемого электричества. А планируемое строительство железной дороги Узбекистан-Кыргызстан-Китай наглядно показывает о точечной нацеленности Китая на национальные потребности Бишкека, успешное удовлетворение которых, в конечном счете, приведет к установлению положительного партнерского имиджа Китая, как в стране, так и в регионе. Позиция китайских властей отдаленная от политических игр и нацеленная на осязаемые результаты (строительство дорог, нефтегазовое сотрудничество, энергетика, материально-техническая помощь и др.) выгодно отличают Китай от остальных игроков. Этому также вторит равноправное отношение к своим центральноазиатским партнерам, не продиктованное свыше. Аналогичная ситуация наблюдается у Ирана, но в меньшей степени.

Основываясь на вышесказанном сегодня вырисовывается довольно интересная картина, геополитически распределенная между США, Россией и отчасти Ираном, экономически – Россией, Китаем и Ираном. Антиамериканский настрой России и Ирана, ярко выраженный в проводимых курсах региональной политики, к сожалению последних показывает, что обе страны несмотря на точки соприкосновения со странами-сателлитами не могут в полной мере конкурировать с внешнеполитическим потенциалом Вашингтона. Это порой заставляет Россию, а также Иран действовать ситуативно и в экстренном порядке прорабатывать те или иные вопросы. Гораздо больше опасений у США вызывает Китай и, преуспев в двусторонних переговорах с Казахстаном и Туркменистаном по вопросам поставки энергоносителей, шансов найти общий язык со странами верховья у Пекина гораздо больше. К тому же реальные сферы сотрудничества, предлагаемые КНР, отвечают национальным интересам стран ЦА и являются экономически и политически оправданными. Тем не менее, с присоединением Афганистана в перспективе к водной проблематике ЦА как страны, на территории которой формируется сток Амударьи,

проблема может выйти за пределы нынешнего состояния. В силу высокой политической нестабильности и наличия марионеточного режима в Афганистане, к сожалению, можно сказать, что возможность конфликта на почве водных ресурсов увеличивается. И Россия, как бы того не хотела, отчасти форсирует напряжение категоричной демонстрацией своего влияния на страны региона Узбекистану. Тем не менее, по какому сценарию будет дальше идти водный спор и какой принцип гидроэнергетического сотрудничества ляжет в основу водных отношений стран региона остается большим вопросом. Остается лишь констатировать, что с приобретением водной проблемы геополитического статуса, справедливое разрешение водных споров в Центральной Азии (а также проблемы Аральского моря) становится практически неразрешимой задачей.

Казахстан – Кыргызстан: новый стратегический союз?

По итогам официального визита президента Кыргызстана Алмазбека Атамбаева с расширенной делегацией в Астану 10 мая, президенты двух стран приняли Совместное заявление о новом стратегическом партнерстве. Согласно подписанному документу, была достигнута договоренность по сотрудничеству в сфере туризма, сельского хозяйства и развития водно-энергетических ресурсов. К тому же, стороны отметили высокую значимость Высшего межгосударственного совета, а также Казахстанско-Кыргызского межправительственного совета в вопросах решения принципиальных моментов в развитии двустороннего сотрудничества. Несмотря на актуальность и перспективность подписанного соглашения, основной акцент в прошедшем визите, по нашему мнению, ставился на иных точках соприкосновения между соседствующими странами.

Такой вывод напрашивается сам по себе после взгляда на текст документа, где как и в массе остальных региональных документов Центральной Азии прописываются «стремления к высокому уровню межгосударственного сотрудничества». Хотя, несмотря на декларативность соглашения и отсутствия «стратегически принципиальных вопросов», особого внимания заслуживает пункт, в котором говорится об усилении взаимодействия сторон на фоне намерения Кыргызстана вступить в Таможенный союз и Единое экономическое пространство. Именно этот шаг, по сути, является наиболее ярким подтверждением истинной цели приглашения президента Кыргызстана в Казахстан. По всей видимости, Россия (после вступления Путина в должность президента) и Казахстан переходят к активной стадии реализации интеграционных инициатив, которая подразумевает вовлечение третьих стран в этот процесс. И если сейчас с Кыргызстаном ситуация в принципе предельно ясна и, официальное присоединение Бишкека к таможенной тройке государств является лишь делом времени, то немного другая ситуация складывается с привлечением остальных стран. Разговор идет о Таджикистане и Узбекистане, безусловно, позиция последнего наполнена скепсисом в отношении любых интеграционных проектов в Центральной Азии в принципе, но Таджикистан на сегодняшний день – первый претендент после Кыргызстана.

По нашему мнению, схема используемая Россией и Казахстаном будет основана на принципе «мягкого вынуждения» Узбекистана к вступлению в ТС. Кыргызстан же на современном этапе, выступает в роли «искушаемого» и призван в среднесрочной перспективе своим личным примером дать некий стимул для Таджикистана. Тем не менее, исходя из контекста встречи президентов Кыргызстана и Казахстана, Астана идет на разумные уступки Бишкеку по вопросам поставки энергоресурсов (это в первую очередь касается газовых поставок в

Кыргызстан), возможного строительства нефтепровода, а также замены импортируемых некачественных товаров сельскохозяйственной продукции из Китая продуктами из Кыргызстана.

Такой подход, по мнению казахстанского руководства, должен укрепить Кыргызстан во мнении добрососедского отношения Астаны в адрес Бишкека. Более того, несмотря на поступательные шаги в развитии двусторонних отношений, вполне резонно ожидать, что Казахстан, преследуя свои долгосрочные цели, заметно активизируется в отношении Кыргызстана, причем последний будет также стараться извлечь всевозможные выгоды из подобной ситуации. Примечательно отметить, что на сегодняшний день перспектива для Кыргызстана в Таможенном союзе весьма расплывчата и неоднозначна, и, в большей степени продиктована неспособностью противостоять внешнему политическому давлению и экономической зависимости от России. В этой связи, Кыргызстан на подготовительном этапе пытается облегчить свое не до конца известное положение в дальнейшем. Роль Казахстана в данном случае призвана смягчить жесткие политические противоречия и несоответствие масштабов национальных экономик, путем дополнительных инвестиций в кыргызскую экономику (в большей степени в сфере туризма, банковском секторе и сельхоз индустрии).

Тем не менее, как представляется на современном этапе, посредническая роль Астаны значительным образом переоценивается. Высокий прагматизм казахстанского руководства, имеет случай проявляться в самых неожиданных моментах, и в этом случае Бишкеку следует быть крайне внимательным в своих политических пожеланиях. Так как, вполне резонным было бы полагать, что Кыргызстан, вступив в Таможенный союз и все вытекающие из него последующие инициативы и лишившись определенной доли суверенитета, станет испытывать чрезмерное внешнее давление. В этой связи, все уступки, на которые идет Казахстан в целях развития кыргызско-казахских межгосударственных отношений также рассматриваются как подготовка благоприятного климата для распространения своего влияния. К примеру, увеличенный срок пребывания граждан обеих стран на территориях Казахстана и Кыргызстана соответственно, открытие дополнительных пунктов пропуска на государственных границах, в большей степени входит в зону интересов Астаны, нежели Бишкека как склонно считать отечественное и международные экспертные сообщества. Из этого всего следует, что характер сотрудничества, по сути, склоняется к одностороннему и, скорее всего будет лишь прогрессировать в этом отношении в будущем.

Между тем, главным вопросом на краткосрочную перспективу является дальнейшее поведение Астаны в адрес своих соседей по региону. И насколько посредническая роль Акорды будет оправдана по

отношению к Таджикистану, особенно в период российско-таджикских противоречий? Вполне вероятно, что Казахстан сможет сыграть на этих противоречиях, как для того, чтобы успокоить таджикское руководство в том, что сможет повлиять на российские взгляды в отношении Душанбе, так и для того, чтобы действовать в своих интересах. Большой интерес у Казахстана вызывает возможность принять участие в формировании нефтегазового сектора страны, но здесь необходимо учитывать желание остальных игроков глобального масштаба. Тем не менее, ситуация в отношении далека от вменяемых прогнозов в этом направлении, но вполне очевидно, что Казахстан примет активное участие в работе с Таджикистаном, для обеспечения благоприятных условий своему бизнес сообществу. И предшествующим шагом этому, по всей видимости, станет подписание соглашения о новом стратегическом союзе надо полагать.

США используют новые подходы в Центральной Азии

Внешняя политика США в Кыргызстане выходит на новый этап своего развития и выявляет новые приоритеты, позволяющие укрепить свое политическое, военно-гуманитарное положение в стране. На современном этапе, как может показаться на первый взгляд двусторонние отношения между Кыргызстаном и США ограничиваются сотрудничеством в военно-политической сфере и затрагивают вопрос размещения авиабазы в пригороде Бишкека, а также создание антинаркотического пояса вокруг Афганистана. Тем не менее, рассматривая ситуацию в несколько другом срезе, становится очевидным, что Вашингтон привлекает третьи стороны, призванные обеспечить неприкосновенность американских интересов в стране и регионе.

Официальный Бишкек после проведения президентских выборов заметно активизировался в укреплении межгосударственных отношений с Турцией, придав этому внешнеполитическому направлению особый статус. Оценки международного и отечественного экспертных сообществ в своих рассуждениях склоняются к тесным связям Алмазбека Атамбаева с политической и бизнес элитой Турции. Именно этот факт, по мнению специалистов, стал предопределяющим в среднесрочном планировании внешней политики руководством Кыргызстана. Однако несмотря подобную оценку, личные взаимоотношения властей обеих стран являют собой лишь часть внешнеполитической стратегии Вашингтона.

Укрепление кыргызско-турецких связей во времена президентства Аскара Акаева и Курманбека Бакиева было продиктовано несколькими факторами, в число которых входили:

- Политическое взаимодействие в рамках пантюркистского проекта Турции;
- культурно-гуманитарное сотрудничество;
- Сфера образования;
- Мелкий и средний бизнес.

Безусловно, на современном этапе спектр вопросов, выносимых на межгосударственное обсуждение, не изменился и, ограничивается вышеназванными пунктами, однако изменился характер сотрудничества. Во-первых, на фоне сближения Бишкека и Анкары, резко ухудшились взаимоотношения Кыргызстана с Россией. Во-вторых, к политическому взаимодействию между Турцией и Кыргызстаном планируется в среднесрочной перспективе подключить Азербайджан, который за исключением каких-либо энергетических проектов вполне открыт для политико-экономического сотрудничества. В-третьих, главным фактором в выборе Вашингтоном Турции для ее

последующей активизации в регионе через Кыргызстан, выступает сложившаяся система государственного управления в Турции. Турецкая модель, сумевшая интегрировать систему мусульманских и светских ценностей в политическое устройство, представляется наиболее привлекательной для стран Центральной Азии и Кыргызстана как такового, в качестве примера для национального развития.

В этой связи, становится предельно ясным, что в условиях центральноазиатской действительности и возрастающей роли ислама в обществе, политика Белого Дома в регионе попросту не может себе позволить проигнорировать религиозный фактор как инструмент давления и консолидации. Примечательно, что в период с 2005-2010 гг. в Кыргызстане, Казахстане и Узбекистане, американские игры в регионе были направлены на дискредитацию ислама. Как и сейчас, США не рискуют играть на противоречиях религиозного и светского срезов общества напрямую и стараются привлечь к этому процессу третьи стороны. В этой связи, главным исполнителем в этом процессе был призван стать Израиль, чье кулуарное влияние на принимаемые политические решения властей было достаточно успешным. В Кыргызстане влияние израильского лобби, частично поддерживаемое сторонниками К. Бакиева в основном сводилось на законодательное блокирование религиозных инициатив. В Казахстане на фоне многообразия религиозных сект и, соответственно, взглядов на религию была создана основа для развития реакционных сил террористической и экстремистской направленности. В Узбекистане Израиль имеет наиболее сильные позиции в лице обширной еврейской диаспоры, напрямую не заинтересован в исламизации страны и делает акцент на экстремистских организациях типа Хизб-ут-Тахрир, ИДТ, Акрамийя и т.д. Однако в Кыргызстане, после революции 2010 г. в Кыргызстане ситуация в стране кардинальным образом поменялась, что в принципе и подтолкнуло США подойти к ситуации с другого ракурса и поменять свои подходы.

К тому же, довольно неоднозначным является выражение заинтересованности в сотрудничестве с Кыргызстаном такой страны как Катар. В ходе визита в начале прошлого месяца премьер-министра Кыргызстана Омурбека Бабанова, велись переговоры о возможности реализации проектов в горнодобывающей, а также туристической сфере, хотя главным вопросом на повестке дня стояло дальнейшее размещение американской авиабазы в Манасе и открытие других учебных центров для военных в стране. Такой американских властей во многом дополняет действия Турции в Кыргызстане, которая при успешном воплощении кратко- и среднесрочных проектов, будет стремиться укрепить свое положение в других странах Центральной Азии. Что касается арабского мира в лице Катара и его поведения в Кыргызстане в частности, сотрудничество, по всей видимости, не будет нести активного характера и ограничится несколькими

образовательными и гуманитарными инициативами. Однако, вопрос военно-политического характера будет стоять во главе угла. Более того, сильный акцент на достижение этих договоренностей, арабские страны будут ставить на культурно-религиозную общность стран.

Между тем, тяжелое международное положение Ирана, обусловленное в большей степени запретом на экспорт энергоносителей, по планам Вашингтона, должно ослабить его внимание на его центральноазиатских соседей и Таджикистан. Топливо-энергетическая нестабильность Кыргызстана и Таджикистана, главным образом зависящая от российских поставок ГСМ, служит хорошим поводом для диверсификации маршрутов импорта нефтепродуктов. Так, официальный Душанбе на прошлой неделе призвал Азербайджан построить на своей территории нефтеперерабатывающий завод, который способен в некоторой степени облегчить и без того тяжелое положение Таджикистана, страдающего от газовых и электроэнергетических недомолвок с Узбекистаном. Сугубо политический ракурс развития сценария показывает, что Азербайджан и Турция разделяют аспекты сотрудничества со странами ЦАР, в которых топливо-энергетический сектор отводится Баку. Действуя в связке, обе страны будут стремиться снизить присутствие Ирана в Таджикистане, предлагая таджикскому руководству благоприятные пути по смягчению энергетического кризиса, однако ввиду высокого уровня таджикско-иранских отношений сделать это будет крайне трудно. Это также объясняется недовольством Ташкента Турцией, которую узбекские власти обвиняют в укрытии узбекских террористов и спонсировании запрещенных в Узбекистане подпольных организаций. В этой связи, Белый Дом на сегодняшний день не может рассчитывать на Турцию и Азербайджан в вопросах, связанных с Узбекистаном и Туркменистаном.

На современном этапе, религиозная ситуация в Кыргызстане говорит о том, что традиционное устойчивое значение исламская культура сохраняет в южных областях страны. Северная часть Кыргызстана более секулярна и разнородна по своим взглядам, но тенденция развития ислама носит достаточно эффективный характер. В этой связи, не лишено смысла полагать, что в среднесрочной перспективе Вашингтон через мусульманские страны (Турция, Азербайджан и арабские страны) будут прилагать усилия для развития ислама в Кыргызстане до того уровня, который подразумевает вовлечение широких масс в процесс принятия решений и следовательно оказывать влияние «снизу» (этот принцип также пересекается с выводом иностранных войск с Афганистана, вследствие чего возникнет благоприятная атмосфера для импорта-экспорта религиозных идеологий в ЦАР). Вследствие чего, ожидается создание и развитие широкой сети исламских неправительственных

организаций, а также строительство религиозных образовательных учреждений. К тому же, не лишена смысла возможность переноса религиозных ценностей в поведенческую линию некоторых политиков, ранее не тяготевших к религии. В целом же, на современном этапе становится очевидным, что подобный подход намерена использовать и Россия, которая после встречи епископа Бишкекского и Кыргызстанского преосвященнейшего Феодосия с мэром Бишкека Исой Омуркуловым выделяет средства для строительства православной школы (на 1 тыс. мест) в черте города. Борьба за влияние в Центральной Азии, а именно на примере Кыргызстана переходит на новый этап, но принимая во внимание, что все вопросы связанные с религией требует крайне щепетильного отношения, подобные игры могут привести к обострению гражданских противоречий на религиозной почве.

Безусловно, в розыгрыше «религиозной карты» на центральноазиатском пространстве риски возникновения межконфессиональных противоречий учитываются игроками в первую очередь, и вероятность того, что именно эти цели и являются конечным результатом всех проводимых мероприятий - достаточно высока.

Кыргызстан и Таджикистан: совместный демарш в отношении России.

События прошлой недели стали довольно неожиданным поворотом в отношениях стран Центральной Азии с Россией. Президент Кыргызстана Алмазбек Атамбаев в ходе своего визита в Белокаменную провел встречу с президентом РФ Дмитрием Медведевым. Как известно, главным вопросом повестки дня стало размещение российской военной авиабазы в г. Кант. Авиабаза входит в компетенцию Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и призвана обеспечить с воздуха действий воинских подразделений Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР). Согласно распространенным сообщениям, А. Атамбаев заявил, что российская база в Кыргызстане располагается на бесплатной основе, что не входит в интересы страны. Исходя из этого, кыргызский президент «выставив счет» российскому руководству, автоматически перевел Кыргызстан в список «ненадежных» партнеров за влияние над которым геополитическая борьба будет продолжаться. Согласно заявлениям кыргызского лидера эта же участь коснется американской авиабазы, которую планируется вывести к 2014 г. В целом, становится очевидным, что официальный Бишкек приступает к переформатированию сотрудничества с внешним миром, а также главными мировыми игроками в частности.

Таджикистан, тем временем подает недвусмысленные сигналы Москве вслед за Бишкеком, относительно вопроса размещения военной базы в стране. К слову отметить, части базы, расположенные в городах Душанбе, Куляб и Курган-Тюбе, насчитывают около 7 тыс. военнослужащих. Это на сегодняшний день является самым крупным воинским присутствием России за рубежом. Эмомали Рахмон в ходе телефонного разговора с Дмитрием Медведевым поставил вопрос о возмещении арендной платы таджикской стороне, на что пока Россия ответа не дала.

Главным вопросом, которым задаются международные обозреватели и эксперты является причина подобных политических выпадов центральноазиатских руководств. Бытует мнение, что авиабазы как и в период правления К. Бакиева становятся предметом политического торга, однако принимая во внимание негативные последствия, повлекшие за собой свержение Бакиева, такая позиция маловероятна. Однако достаточно ясно прослеживается взаимосвязь общих проблем России с Кыргызстаном и Таджикистаном. В первую очередь, речь идет о кыргызских и таджикских трудовых мигрантах в России, численность которых в совокупности достигает нескольких миллионов человек. К тому же ужесточение национального законодательства в отношении трудовой миграции российским руководством, а также приоритетные для Москвы интеграционные

проекты с Казахстаном, задвигают Кыргызстан и Таджикистан на второй план. Вследствие чего, противодействие двух государств отражается на самом уязвимом месте РФ – укреплении влияния в регионе. Безусловно, вывод российского военного контингента из ЦАР для Кремля равносильно краху внешнеполитической стратегии. К тому же подобный прецедент автоматически очертит контуры несостоятельности России действовать на международной арене с позиции сильного государства. В целом перспективы нерадостные и это прекрасно осознают в Кремле. С другой стороны, российские власти могут использовать массу рычагов как экономических, так и политических, которые могут вылиться в задержку поставок ГСМ (в период весенне-полевых работ), отказа от участия в проектах по строительству ГЭС, а также к изменению торгово-экономического баланса. Однако с реализацией подобного сценария власти Кыргызстана и Таджикистана вполне могут оказаться в фаворе других мировых сил, заинтересованных в распространении собственного влияния в Центральной Азии. За исключением традиционной стороны в роли США, главными претендентами на эти роли являются Турция и Иран.

Именно эти две страны, на сегодняшний день имеют достаточно крепкую базу в двусторонних отношениях для старта своего геополитического проекта в Кыргызстане и Таджикистане. Официальная Анкара в своих политических амбициях рассчитывает не сколько на поддержку государственного аппарата, либо широкую популярность Турции в Кыргызстане, сколько на гаранта взаимных проектов в лице президента Кыргызстана. Атамбаев до своего избрания президентом страны, выстроил прочные связи с турецким истеблишментом, а также имеет хорошие позиции на бизнес-пространстве Турции. Кроме того, факт того, что сразу после своего избрания Атамбаев совершил свой первый визит в Турцию, недвусмысленно подтверждает особый статус взаимоотношений. В краткосрочной перспективе на фоне заявлений Атамбаева о «рассмотрении целесообразности размещения иностранных военных баз», возможен скачок иностранных внешнеполитических инициатив в Кыргызстане. Причем Турция с течением времени, будет планомерно продвигаться в приоритетах внешней политики Кыргызстана. К тому же, обеспечение гарантиями президента КР о сохранности турецкого капитала в стране, прямо отвечает о сохранности собственных интересов Атамбаева в Турции.

Аналогичная ситуация в вопросе усиления альтернативных векторов партнерства обстоит в Таджикистане с сильной культурной, исторической близостью с Ираном. Тегеран, несмотря на свое сложное международное положение, связанное с освоением атомных технологий, не намеревается отстраняться от Таджикистана как от зоны своих национальных и геополитических интересов. И любое

попустительство от традиционных партнеров в отношении Таджикистана, в данном случае исходящее от России, Иран постарается обернуть в свою пользу. Большие капиталовложения иранского руководства на развитие индустриального производства в Таджикистане, растущий из года в год товарооборот между странами играют немалую роль в создании положительного имиджа Ирана в соседней стране. К тому же, участие иранских военнослужащих на параде Дня независимости в Таджикистане говорит о новой стадии кооперации руководств двух стран. Сложное сплетение международных процессов в Центральной Азии, безусловно, вносит определенные коррективы во внешнюю политику стран региона. Тем не менее, Таджикистан пытается выстроить разноуровневую и многовекторную политику в отношении внешнего мира в наибольшей степени чем остальные государства ЦАР кренится к сотрудничеству с ИРИ.

Между тем, возвращаясь к теме авиабаз в Кыргызстане наметилась тенденция недовольства масс на юге республики, а также активизация оппозиционных политиков. Политическая элита южных областей страны организовала многотысячный митинг с призывами к отставке правительства КР, обвиняя его в том, что Кыргызстан в скором будущем окажется в экономической блокаде. Митинг, организованный парламентской партией «Ата-Журт» и не прошедшей на выборах в парламент «Бутун Кыргызстан», намерены продолжать активные действия и по приезду в столицу страны искать своих сторонников по консолидации своих взглядов и усилий.

Развитие сценария показывает, что в ближайшем будущем в случае дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране определятся и заинтересованные внешнеполитические силы. Для России этот случай представится как окончательная расстановка всех точек над «i», а высылка своих военных подразделений в качестве миротворческой силы в случае нарастания конфликта в Кыргызстане покажет по всей видимости ее «благородные» намерения в отношении «братского народа Кыргызстана». Тем не менее, рассуждая о российской внешней политике в отношении КР, назвать ее взвешенной, прагматичной и дальновидной не представляется возможности.